

Мои воспоминанія о Памфилѣ Даниловичѣ Юркевичѣ.

Поступилъ я въ Академію въ 1859 году. Въ то, теперь уже отдаленное, время всѣ науки Академическаго курса раздѣлялись на два отдѣла—науки Богословскія и науки общеобразовательныя. Эти послѣднія проходились въ младшемъ курсѣ, Богословскія въ старшемъ. Курсы тогда были, какъ извѣстно, 2-хъ годовичные.

Въ составъ предметовъ младшаго курса входили и философскія науки. Кругъ философскихъ наукъ былъ раздѣленъ между 3-ми профессорами. Психологію читалъ добрый, сердечный, глубокосимпатичный Дмитрій Вас. Поспѣховъ. Древнюю, классическую философію читалъ тогда молодой, изящный бакалавръ Матвѣей Мих. Троицкій. Впослѣдствіи докторъ философіи и профессоръ сначала Московскаго а затѣмъ Казанскаго университета. Курсъ новой философіи читалъ незабвенный и дорогой Памфилъ Данил. Юркевичъ—истинный философъ даже по внѣшнему своему виду.

Для меня, какъ и для очень многихъ моихъ товарищей по Академіи память Памфила Даниловича окружена ореоломъ высшаго уваженія и признательности. Это чувство вызвало и настоящія воспоминанія.

Долженъ откровенно начать, что я, думается, что и многіе мои товарищи, не были вполнѣ подготовлены къ полному и отчетливому усвоенію высоко-научныхъ философскихъ лекцій нашего любимаго профессора Юркевича. Немало этому способствовало и то, что чтенія Памфила

Даниловича были переполнены чисто философскими терминами. Съ его лекціонными терминами: имманентный, трансцендентальный и т. п. и т. п. мы только впоследствии освоились. И намъ стало легче слушать его лекціи. А вначалѣ приходилось очень и очень напрягать вниманіе, чтобы слѣдить за логическимъ развитіемъ его мысли.

Профессоръ Троицкій началъ свои чтенія по классической философіи изложеніемъ ученія одного изъ семи мудрецовъ Греціи—Θαλеса. Примитивная, ненаучная теорія сего мудреца, производящаго все существующее *изъ воды*, не произвела на насъ никакого впечатлѣнія. Но вотъ наступилъ часъ лекціи Памфила Даниловича. Наша, не особенно обширная, аудиторія младшаго курса, переполнена слушателями. Скамеекъ недостаточно. Многие стоятъ. Между студентами младшаго курса видны студенты и старшаго курса. Попадаются студенты университета. Ихъ легко было замѣтить по студенческой форменной одеждѣ. Попадались и посторонніе слушатели любомудрія. (Въ мое время посѣщаль академическія лекціи одинъ помѣщикъ Полтавской губ., уже пожилой человѣкъ). И вотъ входитъ въ аудиторію сосредоточенный, задумчивый Памфилъ Даниловичъ. Всѣ привѣтливо встаютъ. Профессоръ занимаетъ мѣсто за профессорскимъ столомъ. (Каеэдра имѣлась только въ Богословскомъ классѣ. Теперь эта каеэдра хранится въ археологическомъ музеѣ академіи). Профессоръ началъ свою лекцію голосомъ тихимъ. Въ аудиторіи положительно гробовое молчаніе. Желательно не проронить ни одного слова. Слегка коснувшись средневѣковой схоластической школы, лекторъ перешелъ къ подробному изложенію философской системы Бекона. Твердый, научный, практическій анализъ англійскаго ученаго намъ понравился. Мы даже увлечены. И лишь только впоследствии, когда я прочелъ въ одной книгѣ, что канцлеръ Англіи 1621 года Беконъ за взятки былъ судимъ и лишенъ своего высокаго званія, я отбро-

силъ свою симпатію къ нему, видя полную противоположность между *словомъ* и *дѣломъ* сего Англійскаго мудреца.

Когда Памфилъ Даниловичъ перешелъ къ изложенію системы Декарта—сего основателя „новой философіи“, мы видѣли, что чтенія профессора углубляются въ самыя нѣдра теоріи познания вещей. Это было ново для насъ.

Въ философіи Лейбница насъ заинтересовало ученіе о „монадахъ“. Монадологія Лейбница далась намъ не легко.

Здѣсь я на время остановлюсь. Когда наши студенты заинтересовались лекціями Памфила Даниловича, то увидѣлись между собою, по очереди, записывать полную систему каждаго отдѣльнаго философа, чтобы потомъ составить по чтеніямъ профессора полный кусъ новой философіи. На мою долю выпало составлять памятку о системѣ Лейбница. Мнѣ и запечатлѣлась въ памяти „монадологія“ Лейбница. Судьба этихъ записей мнѣ неизвѣстна.

Въ октябрѣ 1861 года Памфилъ Даниловичъ былъ избранъ профессоромъ философіи въ Московскій университетъ. Въ концѣ октября онъ и переехалъ въ Москву.

Памфилъ Даниловичъ прочелъ намъ лекціи по обзорѣ ню системъ: Спинозы, Канта и Гегеля. Діалектикою Гегеля—сего ученіемъ о тезисѣ, антитезисѣ и синтезисѣ Юркевичъ и закончилъ свои лекціи. Въ своихъ философскихъ чтеніяхъ онъ никогда не разорялъ религіознаго вѣрованія слушателей.

Памфилъ Даниловичъ очень основательно познакомилъ своихъ учениковъ съ новой философіей. И большое ему за это „спасибо“. Когда позже мнѣ пришлось читать философскіе трактаты гр. Л. Толстого, они мнѣ показались слабыми, не научными, поверхностными, сравнительно съ глубокораздумчивыми и критически обработанными лекціями Юркевича. Надѣюсь, это скажутъ и мои товарищи по Академіи. Насъ не убѣдилъ и не склонилъ въ свою сторону гр. Левъ Толстой своей *смѣшанной* философіей. Видимо въ

его старческой головой смѣшались и Кантъ, и Будда, и Конфуцій и многіе, многіе другіе.

Въ концѣ сентября 1861 года среди студентовъ прошла вѣсть о томъ, что Юркевичъ оставляетъ Академію. Было грустно. Мои товарищи и студенты XXII курса уполномочили меня и моего друга, студента Ивана Андреевича Попова, отправиться въ квартиру Памфила Даниловича съ просьбой, чтобы онъ снялся предъ выѣздомъ въ Москву съ нами—студентами. Это было въ то время дѣло новое. Фотографій въ то время было въ Кіевѣ совсѣмъ мало—3—4 не больше. Аппаратовъ для снятія большихъ группъ совсѣмъ не было въ Кіевѣ. И вотъ мы всѣ, съ профессоромъ въ центрѣ, снялись на небольшомъ негативѣ. Когда я пишу эти воспоминанія, прописанная фотографія лежитъ передъ моими глазами. Фонъ фотографіи изображаетъ уголь колокольни Братскаго монастыря съ одной стороны, съ другою—студенческой корпусъ. Мы снимались подъ открытымъ небомъ. Если не ошибаюсь, снималъ фотографъ Кордышъ. На фонѣ виднѣются стволы деревьевъ Братскаго погоста. Стволы обнажены отъ листьевъ. Это указываетъ, что мы снимались осенью. Съ негатива было снято лишь 2 отти-ска—одинъ для отвѣжающаго профессора, а участію другого я и не знаю.

У меня на стоѣть тогъ экземпляръ, который былъ поднесенъ отвѣжающему профессору. Съ нимъ онъ и уѣхалъ въ Москву.

Какъ онъ мнѣ достался? Когда 28 ноября 1886 года я поступилъ законоучителемъ во 2 Кіевскую гимназію, то моимъ сослуживцемъ по гимназіи оказался родной братъ Памфила Даниловича—учитель греческаго языка Андрей Даниловичъ Юркевичъ. Октября 4 дня 1874 года скончался рабъ Божій Памфилъ въ Москвѣ. Братъ его, прописанный Андрей, ѣздилъ въ Москву на погребеніе. Оттуда онъ и привезъ мнѣ упомянутую фотографію. На оборотѣ ея и пропи-

салъ братъ день и годъ смерти р. В Памфила. Привезъ мнѣ изъ Москвы Андрей Даниловичъ еще одну памятку о братѣ. Объ этомъ—рѣчь впереди.

Небезъинтересно взглянуть—кого мы встрѣчаемъ въ видѣ студентовъ на этой фотографіи? Петра Ивановича Остроумова, бывшего товарища оберъ-прокурора при Св. Синодѣ, Николая Ивановича Петрова и Алексѣя Васильевича Розова—заслуженныхъ профессоровъ Академіи, Петра Ивановича Ляницкаго—одного изъ ближайшихъ преемниковъ Памфила Даниловича по кафедрѣ философіи въ Академіи, о. Петра Палицына—заслуженнаго протоіерея г. Воронежа, дѣйств. ст. совѣтника Андрея Михайловича Цархомовича, б. инспектора Кишиневской семинаріи, Ивана Семёновича Левицкаго—извѣстнаго мѣстнаго беллетриста, о. Юрія Татарова, недавно скончавшагося въ Варшавѣ и многихъ, многихъ другихъ.

Здѣсь поцугно перечислимъ и тѣхъ приснопамятныхъ іерарховъ и достославныхъ мужей науки, которые были учениками Памфила Даниловича и о которыхъ я храню почтительную память: Александръ Павловичъ—впослѣдствіи митрополитъ сербскій, Ілія Тихоновичъ Экземплярскій—впослѣдствіи архіепископъ Варшавскій, Харитонъ Михайловичъ Орда—впослѣдствіи епископъ Орловскій, преосв. Лаврентій—епископъ Курскій, Никодимъ Соколовъ—впослѣдствіи викарій Рязанскій, Андрей Гуляницкій—впослѣдствіи епископъ Екатеринославскій, Виталій Гософовъ—впослѣдствіи епископъ Тамбовскій. Изъ мужей науки упомянемъ: Стефана Михайловича Сольскаго—заслуженнаго профессора Академіи и бывшаго попечительнаго городского голову Кіева, Владимірскаго—Буданова—здравствующаго профессора Кіевскаго университета, П. И. Жигецкаго—недавно скончавшагося въ Кіевѣ и извѣстнаго въ наукѣ филолога, Даниила Степановича Сницкаго—бывшаго директора Фундуклеев-

ской гимназіи, Константина Ал. Воскресенскаго—бывшаго директора старѣйшей 1-й Кіевской гимназіи.

Прошу извиненія у тѣхъ, кого я не вспомнилъ въ этомъ свѣдѣніи о перечнѣ.

Глубокоочтимые профессора: Василій Ѳеодоровичъ Пѣвницкій, Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій и Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ—были въ свое время дѣйствительно *лихими столпы* академіи. Припоминается мнѣ одинъ фактъ, свидѣтельствующій о ихъ великой ревности по Академіи. Въ началѣ 60-хъ годовъ была открыта въ Кіевѣ женская фундуклеевская гимназія. При открытіи гимназіи епископъ Антоній Амфітеатровъ сказалъ пастырское слово. Это слово *не понравилось* тогдашней интеллигенціи города. Въ мѣстной свѣтской печати явились язвительные намеки на это пастырское слово. Василій Ѳеодоровичъ, Памфилъ Даниловичъ и Иванъ Игнатьевичъ (а можетъ быть Никифоръ Ивановичъ Щеголевъ—тоже твердый столпъ Академіи) выступили съ самой энергичной защитой за бывшего своего ректора преосвященнаго Антонія. Они выпустили въ свѣтъ 3-ри Защитительныя апологіи. Апологіи эти были отпечатаны тремя отдѣльными брошюрами и пущены въ широкую публику. Тогда мѣстная свѣтская печать ограничивалась одной мизерной газетой Кіева, издаваемой нѣкимъ фонъ-Юнкомъ. Въ этой газетѣ совѣстно было и печатать апологіи профессоровъ. Замѣчательная мысль апологіи: „Это впервые свѣтская печать нападаетъ на церковную проповѣдь“... А въ настоящее время чего только мы не начитаемся въ хулящей церковъ печати!... Защитительная апологія Памфила Даниловича сохранилась у меня и до настоящаго времени.

Въ брошюрѣ о протоіерея Ѳ. И. Титова „Памяти П. Д. Юркевича“ отпечатано слово Памфила Даниловича на 4 пассаю, на текстъ „*Понеже Иудее знаменія просятъ, и Елліны премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа*

распята, иудеи же убо соблазна, Еллином же безуміе: сальны же званныи Иудеи и Еллином Христа, Божию силу и Божию премудрость" (1 Коринт. 1, 22—23). Глубоко поучительно это прекрасное слово! Будучи воспитанником Киевской семинарии я жилъ на Подолѣ при церкви Николая Доброго и любилъ посѣщать псалтири и вообще Богослуженія Братскаго монастыря. Я помню Богослуженія величественнаго о. ректора Академіи, архимандрита Димитрія Муретова. Я помню вдохновенныя великопостныя пѣсноуѣнія, исполняемыя замѣчательнымъ теноромъ Чумачевскимъ и басомъ Покровскимъ. Какъ говорится, „весь городъ“ собирався слушать сихъ пѣвцовъ—академистовъ. Прописанной проповѣди Юркевича мнѣ не пришлось слышать. Но на этотъ *текст* я слышалъ въ Братскомъ монастырѣ проповѣдь тогдашняго бакалавра М. М. Троицкаго. Замѣчательная проповѣдь. По всей вѣроятности она отпечатана въ „Воскресномъ Чтеніи“ 60-хъ годовъ. Тогда „Воскресное Чтеніе“ издавалось при Академіи Троицкій, какъ профессоръ *Еллинской философіи*, съ любовью изложилъ въ своей проповѣди свое Credo.

Въ 60-хъ годахъ Кіевъ не имѣлъ еще желѣзной дороги. Вокзаловъ не было. И торжественныхъ вокзальныхъ проводъ не знали. Памфила Даниловича проводили въ Москву скромно. Онъ и вообще былъ очень и очень скромнень въ своей жизни. Скромна была и его жена. Онъ былъ женатъ на дочери протоіерея Кіевскаго военнаго собора Мандровской.

Скромный домъ Юркевича находился на лѣвой сторонѣ Шекавицкой улицы, не въ дальнемъ расположеніи отъ Подольской Царе-Константиновской церкви. Въ этомъ домѣ Памфиль Даниловичъ и принималъ меня, когда я съ Поповымъ явился къ нему съ просьбой сняться на фотографіи „на добрую память“ съ группой студентовъ его почитателей.

О московской жизни супругов Юркевичей мнѣ рассказывалъ его братъ Андрей. Жизнь эта была чисто *кабинетная*. Такую жизнь велъ Памфилъ Даниловичъ и въ Кіевѣ. Это былъ человекъ „не отъ мира сего“. Онъ мало заботился даже о себѣ лично. Всѣ хлопоты по дому, по хозяйству и даже по одеждѣ брала на себя жена. Она была ангелъ-хранитель своего мужа.

Въ Московскомъ Вѣстникѣ былъ напечатанъ, послѣ смерти Юркевича, отрывокъ съ его мнѣніемъ о спиритизмѣ. Я читалъ этотъ отрывокъ. И разъ, послѣ урока въ гимназій, спросилъ Андрея Даниловича—правда-ли, что его братъ вѣрилъ въ спиритизмъ? Онъ мнѣ принесъ въ отвѣтъ книгу А. Аксакова „Спиритизмъ и наука“ в рукописный подлинникъ Памфила Даниловича того отрывка, который былъ отпечатанъ въ Московскомъ журналѣ. Подлинникъ былъ написанъ крайне сдержанно и осторожно. И эта отличительная черта характера Юркевича. Въ печати къ этой собственноручной замѣткѣ были добавлены тенденціозныя штрихи. Андрей Даниловичъ положительно сказалъ: „братъ не былъ спиритомъ“. Книгу А. Аксакова я сейчасъ размечалъ между своими книгами. Но автографа Памфила Даниловича о спиритизмѣ не оказалось, къ моему сожалѣнію. Должно быть его взялъ обратно братъ.

Со словъ Андрея Даниловича я зналъ, что у Памфила Даниловича были еще братья: одинъ ученый монахъ въ Угрѣшскомъ монастырѣ, близъ Москвы. Ему, кажется, принадлежатъ книга „Описаніе Угрѣшскаго монастыря“. Другой священникъ въ м. Дивлявѣ Золотоношскаго уѣзда. Судовательно, сей послѣдній священствовалъ на мѣстѣ родителя Юркевичей.

Трогательнъ рассказъ Андрея Даниловича о погребеніи брата. Онъ похороненъ въ Даниловомъ монастырѣ. Когда я былъ въ Москвѣ, я разыскалъ скромную могилу моего учителя. Отиѣваніе окончилось, передавалъ Андрей

Юркевичъ. Изъ толпы подошелъ къ могилѣ деревенскій священникъ. „Ученый муже! сказалъ онъ у гроба, я твой землякъ, Полтавецъ. Я принесъ въ твою могилу горсть родной земли“. И этой горстію родной земли онъ посыпалъ гробъ земляка, сказавъ: *вѣчная тебѣ память!*

Эти безыскусственныя слова тронули присутствующихъ. Батюшку обступили профессора и почитатели памяти умершаго и горячо, горячо благодарили.

Въ заключеніе скажу и я: *вѣчный тебѣ покой*, дорогой учитель.

Протоіерей Кл. Ѡщенко.